

Геннадий ИВАНОВ

г. Москва

ДАР И СУДЬБА НИКОЛАЯ КОЛЫЧЕВА

Прошло семь лет со дня смерти поэта и прозаика Николая Колычева. Вот уже и подготовлено заботой супруги двухтомное собрание его сочинений. Она попросила написать к нему предисловие.

Размышляя о судьбе и творчестве Николая, мне подумалось, что предисловие к его двухтомнику надо начать с самого главного. А самое главное — это был он сам. Его характер, его открытость, даже распахнутость, исповедальность. Как на исповеди, он писал стихи. И не только стихи — и прозу, и очерки, заметки. Всё, что выходило из-под его пера, — это была исповедь.

«Страшно жить в этом безнадежном, беспросветном мире. Хочется света, праздника какого-то светлого хочется. И от невозможности праздника этого в реальной жизни ищу я его в водке, как и многие в России, но хмель радости давно не даёт, лишь притупляет ощущение беды. А с похмелья всё кажется еще страшнее и безнадежнее, чем есть на самом деле.

И всё-таки живу ожиданием какого-то праздника, большого и светлого. Праздника и для меня, и для жены, и для детей моих, для родителей и родственников, для знакомых и близких, для всех людей, для всего мира. Жду Светлого Воскресенья России».

Вот в этих словах весь Николай Колычев. Его великое стремление к светлому Празднику не только для себя. Но для всех родных, для всей России. И даже для всего мира.

К пронзительным и глубоким обобщениям он придёт позже, а начиналось всё с воспевания любимого Севера.

Николай стал ярчайшим выразителем Колычского Севера.

* * *

Поэзия — это источник света. Можно даже упрощённо сравнить её с лампой накаливания, с лампочкой. Свет нам очень необходим. Тяжело без света. А уж как это знакомо мурманчанам при полярной-то ночи.

И это, может быть, главная задача поэзии. Она не совершает житейских или бытийных открытий — всё уже давно открыто, всё мудрое написано и сказано. Её задача светить человеку в его пути, помогать проходить этот земной путь.

Но лампочки бывают разные. Бывают, условно скажем, на 20 ватт. А бывают на 200. Они освещают одно и то же, но при 20-ти нам как-то не очень видно, как-то тускловатое. А при 200-ах мы ахнем: как ярко всё!

Как-то вот так можно описать эффект хорошей поэзии. Хотя я допускаю, что кому-то нравится и приглушённый свет...

Стихи Николая Колычева — это 200 ватт. Порой даже 300.

Север, знакомый всем, кто здесь родился, кто здесь долго жил и живёт, в его стихах предстаёт очень свежо, зримо, очень живо и ярко. И мы благодарны поэту, который открывает нам заново чудесный мир Севера. Он сам его безоглядно любит, он им восхищается, он им лобуется, он его обнимает и воспекает!..

Прекрасных стихотворений о Севере у него много. Это его, пожалуй, такая же главная тема, как и тема судьбы человека в этом земном мире.

*Я без тебя — не я,
Мне без тебя — беда.
Мурманская земля.
Кольская красота.*

*Словно бреду — к заре
Тихой лесной тропой.
Голос ручьев и рек —
Внутренний голос мой.*

*Сопок далеких синь,
Сосен высоких шум...
Северный край Руси,
Дом моих чувств и дум.*

Да, начинал он с воспевания мурманского Заполярья, но при этом никакого местничества. Как поэт Николай Колычев не замыкается на Севере, он поэт всероссийский, для него вся Россия «дом моих чувств и дум».

* * *

*Милое заплаканное небо...
Журавли летят... Куда?.. Откуда?..
О, как долго я на свете не был...
И уж больше никогда не буду.*

*Не грусти, душа, о райских кущах.
Тление бессмертного не тронет.*

*Я пришел — любить со мной живущих,
Я пришел — любя ушедших вспомнить.*

*Журавли летят... Куда?.. Откуда?..
Не касайся памяти, остуда.
Если я о чем-нибудь забуду,
Значит, и грядущие — забудут.*

*Ой, вы, треугольники косые!
Закричат — и в сердце отзовется
Окликом из прошлого России
Долгий журавлиный скрип колодца.*

*Древних предков кровь всклокочет в жилах,
Кто меня забыть о них принудит?
И плачу я дань тому, что было.
И несую я дар тому, что будет.*

*Пусть меня смывает век текущий,
Пусть иные станут вечной былью...
Я люблю неведомых грядущих,
Как меня, грядущего, любили.*

1986-2000

В Николае как в человеке, как в личности было столько энергии! В разговоре с ним это очень чувствовалось. И в стихи это естественно переливалось, переносилось. Стихи были нередко взрывчатыми и в радости, и в тоске.

* * *

*...А земля как будто и не вертится.
Синева трепещет над травойю.
Облако — огромным добрым сердцем
Над моей восходит головою.*

*Вот он, вот он — мир — на самом деле:
Вера, первозданность, непорочность!
Наша жизнь — рыдание качели,
С замиранием — на высшей точке.*

*В глубине мгновенья — нерастраченность
Силы, доброты, тепла и солнца...
Ветер, погоды, замри... Иначе
Сердце — вместе с облаком — порвется.*

Радостных стихов было много в начале творческого пути. Выше было стихотворение 1986 года. Безрадостных немало стало позже. Вот стихотворение 2012 года:

Нет места под солнцем

*Нет счастья в жизни! С самого детства!
Приду в какую-нибудь высокую станцию,
Спрошу в инстанции: «Куда мне деться?»
Спрошу в инстанции: «Куда податься?»*

*Мне скажут: «Места под солнцем нет вам!»,
А я назначу фонарь своим солнцем.
И сяду на жёлтой опушке света,
И буду греться.
Пока не замёрзну.*

*Простите, что утром чьи-то дети
Увидят лица перемёрзшую сливу...
Но очень хочется сладкой смерти,
Когда не выходит жизни счастливой.*

Я был вместе с Николаем и в его родной Кандалакше, которая мне тоже отчасти родная — несколько лет в отрочестве там прожил, потом приезжал много лет к родителям, работал в Кандалакше в газете, оттуда уходил в армию, потом — в плаванье в Северный Ледовитый океан; был рядом с ним и в радостные моменты, когда он получал литературные премии в Санкт-Петербурге, в Москве, когда он участвовал вместе со многими поэтами России на родине Есенина в Константинове в замечательном праздновании 110-летия Сергея Александровича, общался с ним и в горькие моменты его жизни, когда он никак не мог справиться с житейскими своими проблемами, когда его охватывало отчаяние. Мне кажется, я неплохо его знал и как человека, не только как поэта. Знал и могу сделать такой вывод: он был добрым, чутким и очень неустроенным человеком. Был предельно искренним, порывистым, угловатым, не очень удобным для любых чиновников, для любых инстанций. Был предельно честным, порой очень уставшим от своей неустроенности и страшных событий в стране и в мире. Мог взорваться и мог быть застенчивым. Всегда ка-

зался моложе своих лет. Видимо, потому что у него вопросов и в творчестве, и в реальной жизни было больше, чем ответов.

Конечно, лучше всех нас его знала жена Вера, которую он очень любил и нередко об этом говорил не только ей, но и близкому собеседнику в разговоре и миру в стихах. Так вот где-то на сайте попалась мне слова Веры о Николае: «Он не успел побронзоветь... Не успел стать корифеем, мэтром, учителем... Товарищи по цеху не вставали при его появлении в помещении, не смолкали, чтобы выслушать его мнение в дискуссии, не обращались к нему за советом... Его не воспринимали всерьез. Он до последнего считался молодым. И в 45, и в 50, и в 55... Его можно было позвать перетаскивать мебель, его можно было попросить выдвинуть рояль на сцену и даже сбежать в магазин...

А в 57 его не стало...

Да он бы не побронзовел и в 75. Перед ним не преклонялись, его любили. Любили тайно и открыто, мгновенно и глубоко, тихо и преданно, нежно и страстно, порой до одержимости...

Слушатели внимали его словам, впитывали их душой, запоминали и цитировали.

И продолжают любить, внимать и цитировать...»

* * *

Внутренний мир Николая с годами усложнялся, он искренне шёл к Богу. И сам так говорил об этом: «Внутренний мир — это искра Божия. Каждый человек должен пытаться открыть его всеми доступными способами. Это — поиск Бога в себе. Творчество — как молитва. Нередко мы просим у Бога и не получаем, но это не значит, что молиться бесполезно... «Проси и воздастся».

Он просил, он истово молился, в его жизни появилось общение с монахами, даже с владыкой. Он стал писать стихи и прозу, скажем так, на религиозную тему. Но он не хотел поверхностной гладкости ни в своём литературном творчестве, ни в своей вере в Бога. А на глубине и веры, и творчества возникали внутренние противоречия, о которых он искренне писал:

Я странно жил

*Я странно жил — страдая и любя,
Брёл к Богу — сквозь грехи, не зная брода,
Считая высшим счастьем для себя —
Стихами говорить с родным народом.*

*И громогласно проклинал я зло!
И воспевал я чистые порывы!
И превращалось Слово в ремесло,
И...
Никого не сделал я счастливым.*

*Напрасны все старания мои!
Все истины мои смешались с ложью,
Поскольку рассуждать о бытии,
Не осуждая, вряд ли кто-то сможет.*

*Приходит время плакать и скорбеть!
Приходит ад вопросов без ответов.
Я ничего не знаю о себе...
Но без стихов я б вряд ли понял это.*

А как он страдал от того, что видел в России в 90-е годы. В этом томе есть раздел «Страдательный падеж». В нём собраны такие страшные картины российской жизни, которые мы не хотели бы видеть, которые отодвигаем на обочину сознания. А он их нам предъявляет, рвёт своё сердце в надежде, что люди опомнятся, как-то поменяют эту страшную жизнь.

Мы когда-то учили в школе некрасовские строки: «Там били женщину кнутом, / Крестьянку молодую». И нам говорили: вот какая жестокость, вот какая дикость. Николай предъявляет нам такие картины современной жизни, которые, может быть, и страшнее некрасовских.

* * *

Поэты Кольского полуострова до Николая Колычева писали о морской романтике, о суровой природе Севера, о героических подвигах защитников Заполярья в годы Великой Отечественной войны. Это было естественно. Виктор Тимофеев и Владимир Смирнов были яркими и честными выразителями своего времени.

Николай Колычев — это уже другое время. И

он взял на себя труд первопроходца и выразителя темы духовной глубины современного русского человека. Да, он опирался при этом на опыт своих предшественников, и главным в этом опыте была честность, подлинность творческого поведения. Не игра, не рисовка, не угождение литературной моде, а в с е р ь ё з. Также всерьёз он относился и к исторической судьбе России:

*Вымираем. Метет по Руси лиховеёй.
Вымираем. И женщинам страшно рожать.
Ведь всегда только счастья кровинке своей
Хочет каждая мать. Хочет каждая мать.*

О Николае и его стихах можно очень долго и много писать. Когда-нибудь будет написана повесть о его жизни. Кем он только не работал — и шофёром был, и фермером, и кочегаром, и журналистом, и руководил художественной самодеятельностью... И в Норвегию ездил, фермерский опыт перенимал. Он был и сыном, и мужем, и отцом. Очень трудно складывалась его так называемая личная жизнь. Но по сути он был только поэтом. Это его дар, и это его судьба.

Многие в России знают и любят поэзию Николая Колычева. Есть удивительные энтузиасты по продвижению его творчества, как раньше говорили, «в массы». Его поэтическая звезда заметно восходит. Уже проводятся фестивали его имени. Сама жизнь подсказывает, что вклад Николая в современную русскую поэзию значителен.

Закончить разговор о его стихах мне хочется ещё одним стихотворением Николая. Таким, которое можно назвать победительным, которое утверждает жизнь, утверждает любовь, утверждает Родину!

В конце концов, пройдя в этой жизни через многое и трудное, Николай до конца остался верен этим высоким бессмертным понятиям:

*Земля моя. Любимая земля...
Суровая. Гранитная. Могучая.
Ты — жизнь моя. Ты — Родина моя.
Ты часть меня — и большая, и лучшая.*

*Люблю твои ветра, дожди твои,
Твои снега и осень желто-алую.*

*Как хочется излить слова любви
На каждую твою травинку малую.*

*Есть в жизни счастье!
Счастье в жизни есть!
Начистоту! Я ничего не выдумал!
Любви людской я столько принял здесь,
От столькох, что порой себе завидую.*

*Земля и люди — это монолит,
Здесь все мое — грядущее и бывшее.
Крестами прорастают из земли
Любимые мои, меня любившие.*

*О, Родина! Как много чувств во мне!
И — что-то наполняет грудь, горячее.
И плакать никакой причины нет,
И сам не знаю, почему же плачу я.*

Николай писал и прозу. И в этом собрании его сочинений она присутствует. Это неоконченный роман о святом архимандрите Русской православной церкви Феодорите Кольском (1481 — 17 августа 1571), просветителе лопарей (саамов). Два года назад в центре Кандалакши Феодориту поставили памятник. Это был, конечно, великий подвижник веры, он почитается в соборах Кольских, Вологодских, Соловецких и Новгородских святых.

Николай мне говорил, что этот роман он начал писать по благословению то ли митрополита Мурманского Симона, то ли по благословению игумена Аристарха из Печенгского монастыря.

Меня очень удивило, что Николай, такой поэтически настроенный человек, вошёл естественно в сложный, прозаический мир русской истории пятнадцатого-шестнадцатого веков. Тут и Иван Грозный, и Иосиф Волоцкий, и Геннадий Новгородский, и князь Курбский...

И сама ткань его прозы получилась естественной, ей веришь:

«Оставшись в церкви в одиночестве, Феодорит перешел за клирос, раскрыл Псалтирь, начал читать. Но скоро молитва потекла сама по себе, а мысли в голове — сами по себе, как две реки, несущие свои воды в одном направлении, пересекаясь руслами, сливаясь воедино, разбегаясь вновь...

Всплывали в памяти, не желая тонуть, картины прошлого. Он пытался спастись от них, окунаясь в молитву, заставлял себя думать о настоящем, о будущем. Но гонимые мысли возвращались вновь, сливались со словами псалмов, теряясь во времени; устремлялись куда-то вперед, в вечность, переставая быть минувшим... И, как уставший пловец, он перестал бороться, отдался этому течению, уносящему его из суровых беломорских пределов к берегам зеленого, теплого, солнечного озера Неро...»

В исторической прозе большим недостатком является выдумывание размышлений исторических деятелей. Не у всех прозаиков они получаются естественными, порой кажутся надуманными, некой подделкой под то историческое время. У Колычева очень даже естественно текут эти размышления. А именно потому, что эти размышления были личными размышлениями Николая Колычева, он не тужится их выдумать. Поэтому они искренние, а искренности что в XVI веке, что в XXI веке веришь, если её чувствуешь.

Вот Колычев описывает раздумье знаменитого архиепископа Геннадия Новгородского:

«Сугробы на глазах оседали, съезжались, темнели, превращались в веселую звонкую воду.

Геннадий, архиепископ Новгородский, опершись локтями на резные перила, замороженно смотрел на это чудо Господне, размышляя о скоротечности жизни и бренности бытия земного. О том, что в мире все предопределено и неизбежно; повторяемо, но внезапно...

Женщина ждет ребенка... Она знает, что он родится, знает, примерно, когда... И все в доме знают. Но вот начинается — и оказывается, что все не готовы. И роженица, и ее близкие...

Каждый знает, что умрет... И, как ни стараются отдалить свой последний день и час, но все равно каждым мигом, каждым вздохом своим приближает смерть, потому что живет, любит жить, не может не жить. Но всему есть предел.

Вон вода капает. Подставь чашу и жди. Долго ждать придется, по капле-то. И покажется, что никогда эта чаша не будет полна. И — никогда

не угадать последнюю каплю. Хоть гадай, хоть подсчитывай...

А растает весь снег на крыше, останется комочек — с кулак. И стой внизу, и лови капельки, и думай — сколько накапает? Нет, глупое это дело — считать да гадать... Надо как-то по-иному. Чтоб от каждой капельки радостно было и ни одной не жалко... Ни первой, ни последней. Потому что они, от первой до последней, — это всего лишь капли. Потому что будут лужи, ручьи, реки, моря, облака, дожди, снега, и вновь вода талая, и вновь капель... Ничего не уходит в никуда. Ничто не кончается ничем...

Геннадий вспомнил, как все ждали конца света в 7000 году. А он не верил. Не то чтоб во все не ждал этой даты. Ждал, конечно, и допускал, что может произойти нечто необыкновенное. Но не конец, не предел, не смерть. Разве про смерть в Священном писании речь? Где такое написано? О жизни вечной, непрекращающейся, вот о чем говорит Библия! «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Где ж тут смерть?

Не мог поверить Геннадий, что Господь уничтожит этот прекрасный мир, Им же созданный. И потому отправлял Митьку Герасимова в Рим за нужными книгами. И потому не спал ночами, но не замаливая грехи и готовясь к концу света, а составляя Пасхалию, которая (он был уверен!) еще пригодится и в 7001, и в последующих годах. И чем более он углублялся в изучение миротворного круга, тем более убеждался в своей правоте.

Спроста ли греки отыскивали это число миротворного круга, «альфу» эту самую. Ведь не вымудрили, а именно отыскивали, потому как это «вымудрить» невозможно. Это — Господом создано. Если все буквы «альфы» принять в значении цифр и сложить, получается 532. И через каждые 532 года числа Пасхи повторяются в том же точно порядке, в каком следовали в предыдущем миротворном круге... Как просто. Но как велика тайна и премудрость сия! Но если все бытие подчинено этому миротворному кругу, значит, ему не должно быть конца. Ведь круг бесконечен... И безначален... Как сам Господь».

Согласись, дорогой читатель, что такую прозу хочется читать.

Рядом с историческими темами соседствует пронзительная актуальная современная проза и публицистика, в которой и война в Чечне, и горе наших крестьян, и никогда нас не покидающая тема алкоголя, и впечатления от Норвегии, где Николай прожил полгода, и его воспоминания о духовном наставнике отце Аристархе, вообще о монастыре...

Скажу честно, что я до нынешнего знакомства с его прозой знал Николая наполовину. В прозе он много всего сказал о жизни нашей человеческой. Её стоит внимательно читать и думать. Это не проба пера — это исповедь глубокого нашего современника.

Геннадий Викторович ИВАНОВ

*родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области.
Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.*

Автор десяти книг стихов.

*Написал три книги очерков о своей малой родине
«Знаменитые и известные бежечане».*

*Лауреат нескольких литературных премий,
в том числе премий Ф.И. Тютчева «Русский путь» (2002),*

М.Е. Салтыкова-Щедрина (2007),

А.А. Прокофьева «Ладога» (2008),

Большой литературной премии России (2006).

Первый секретарь Союза писателей России.

